

Плотно пообедав сытной свиной, старые и новые городские ребята, поглаживая животы, неспешно брели по проселочной дороге обратно в общежитие.

Деревня, окутанная сумерками, казалась на удивление тихой, а в воздухе, казалось, еще витал аромат тушеной свиной с квашеной капустой.

— А кровяная колбаса — просто объедение! Жирная, но совсем не приторная!

— А капуста, пропитавшаяся мясным бульоном, — это же высший класс!

— Сколько же мы не ели мяса вот так, от души...

Все пребывали в блаженном состоянии, вызванном сытным обедом, и оживленно обсуждали трапезу. Даже вечно язвительный старожил Чжан Цян, чьи губы еще лоснились от жира, на этот раз не проронил ни одного едкого замечания.

Вэнь Юньцин за то время, что провел здесь, в сельской глуши, успел составить довольно глубокое представление об этих местах.

Деревня Далэ, раскинувшаяся на стыке равнины Дадун и Монгольского плато, обладала своим неповторимым характером.

Здесь открывался невероятный простор: вдалеке виднелись пологие холмы, покрытые густыми вторичными лесами — в основном морозостойкими дубами, березами и соснами. Ближе к деревне простирались бескрайние черноземы, которые после завершения осенней уборки обнажили свои темно-бурые борозды.

Местность была слегка холмистой, и между оврагами бежали прозрачные, ледяные ручьи.

Ветер здесь был вечной темой: он приносил с собой дикость степей и свежесть лесов. Времена года сменяли друг друга резко: лето — короткое и жаркое, с тучами назойливых насекомых; осень — с высокими небесами и яркими красками; зима — бесконечная и лютая, с сугробами в человеческий рост и свирепыми снежными бурями, режущими лицо, словно ножом; весна же превращала всё вокруг в непролазную грязь.

Богатствами край не изобилдовал, но имел свои особенности: на черноземе выращивали гаолян, кукурузу, сою и картофель; в лесах скрывались фундук, кедровые орехи, древесные грибы и лекарственные травы, такие как астрагал и сапожниковия; в ручьях водилась холодноводная рыба, а порой можно было встретить зайцев, косуль и даже волков.

Лошади здесь были не просто тягловой силой, а частью культуры — часто можно было увидеть, как сельские жители ездят верхом или пасут скот.

Благодаря совместному труду и той самой свиной, которой угостил Вэнь Юньцин, лед в отношениях между новичками и старожилками начал таять. Все ели из одного котла, спали на одной большой печи, вместе сталкивались с тяжелой работой и суровыми условиями — жалоб стало меньше, а взаимовыручка — больше.

Однако под внешней тишиной порой скрывались подводные камни.

Однажды вечером после работы Хун Ин, ответственная за хранение ключей от амбара,

прибежала к Ван Вэйдуну бледная как полотно: замок на зернохранилище был взломан! Пропало несколько килограммов ценного мелкого зерна, которое берегли к празднику.

И это как раз тогда, когда после долгого сбора урожая они собирались наконец поесть досыта.

Дело было серьезным.

В те времена, когда еда ценилась дороже жизни, кража продовольствия считалась тяжким преступлением, затрагивающим интересы каждого.

В общежитии поднялся переполох. Ван Вэйдун с помрачневшим лицом созвал всех на собрание. Атмосфера была такой тяжелой, что хоть топор вешай. После допросов и тайных проверок все улики внезапно указали на новенькую — Ли Сюлань.

Столкнувшись с гневными, разочарованными и полными осуждения взглядами, Ли Сюлань поначалу всё отрицала. Она была блее мела, пальцы ее судорожно теребили край одежды.

— С чего вы взяли, что это я?

Но когда Ван Вэйдун предъявил свидетелей, видевших ее вчера вечером у амбара, а затем в наволочке ее подушки нашли небольшой мешочек с белой мукой, она окончательно сломалась.

Девушка, которая всегда была молчаливой и носила одежду сплошь в заплатках, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Она прерывисто рассказывала: семья жила в страшной нищете, родители были больны, а младшие братья и сестры голодали.

С детства ей твердили: если видишь что-то, что можно взять и съесть — не стесняйся, выжить важнее достоинства.

Приехав сюда, она поначалу боялась, но, увидев в амбаре зерно, захотела отправить немного домой, чтобы родные попробовали и узнали, что она устроилась в хорошем месте... Как только жадность взяла верх, остановиться она уже не смогла.

Клеймо нищеты и искаженные законы выживания давили на нее, словно тяжелые кандалы.

Разгневанные ребята притихли. Стоит ли винить ту, что воровала ради спасения жизни? Перед лицом абсолютной бедности требование высоких моральных принципов казалось таким блеклым и слабым.

Все могли понять ее беду, но никто не поддерживал подобный поступок.

И всё же эти молодые люди, приехавшие со всех уголков страны, были по-своему благородны.

Ван Вэйдун от лица всех объявил ей строгое предупреждение: это в последний раз! Весь ущерб будет вычтен из ее будущих трудовых. Если подобное повторится — пощады не будет, дело передадут руководству бригады, и ее осудят за вредительство и кражу коллективной собственности!

А уж что с ней будет — публичное порицание, тюрьма или изгнание — общежитие волновать не будет.

Ли Сюлань, плача, закивала, обещая исправиться. Этот случай лег на сердца каждого тяжелым камнем, но в то же время заставил их с молчаливым пониманием взглянуть на нелегкую судьбу друг друга.

Вэнь Юньцин, слушая признание Ли Сюлань, не знал, что и сказать. А что тут скажешь? Спросить, почему при такой нищете родители наплодили столько детей?

Глупости, разве можно такое спрашивать? В те времена считалось, что много людей — это большая сила.

Население страны в те годы росло стремительно.

Что там несколько детей — у иных семей было по десять, а то и по двадцать.

Жизнь Вэнь Юньцина, напротив, была куда спокойнее.

Ореол спасителя обеспечил ему всеобщее расположение в деревне.

Прогуливаясь, он вскоре изучил планировку всей деревни.

Она тянулась вдоль небольшого ручья, дома были в основном низкими, из самана, с крышами, крытыми толстым слоем соломы, а кое-где — черепицей.

В центре деревни располагались правление бригады, склады, загоны для скота и простая площадка для обмолота зерна.

В загоне стояли волы, мулы и несколько крупных лошадей, которые привели его в полный восторг!

Их шерсть лоснилась, мышцы были крепкими, а сами они, фыркая, излучали особую мощь и дикую красоту.

Вэнь Юньцин не удержался и подошел ближе, пытаясь погладить лошадь по шее, чем вызвал дружный хохот у кормившего их крестьянина:

— Товарищ Вэнь, приглянулась скотинка? Осторожнее, а то лягнет!

Вэнь Юньцин смущенно улыбнулся, но в его глазах светилось неподдельное любопытство.

Он и подумать не мог, что вскоре ему представится шанс самому оседлать этого гордого скакуна.

В тот день Вэнь Юньцин, как обычно, отправился на задний склон холма, и издали услышал восторженные крики Сюаньчжу, Эргоу и Теданя — тех самых мальчишек, которых он когда-то спас.

Подойдя на звук, он замер: трое ребят окружили мирно пасущуюся рыжую лошадь, их лица сияли от восторга!

— Брат Вэнь! Брат Вэнь, скорее сюда! — первым заметил его Сюаньчжу и громко замахал рукой.

<http://bllate.org/book/18784/1823322>